

Воспоминанія идеалиста, принимавшаго участіе въ работахъ по реформамъ крестьянскимъ.

Вскорѣ наступитъ пятидесятилѣтняя годовщина крестьянской реформы во всей Россійской Имперіи, за исключеніемъ губерній Царства Польскаго, гдѣ эта реформа начала вводиться тремя годами позже.

Столь важная реформа, стяжавшая на вѣчныя времена покойному Государю Императору Александру II-му званіе „Царя-Освободителя“ и послужившая рычагомъ новаго оборота жизни нашего отечества, должна имѣть свою исторію, основанную не только на архивныхъ матеріалахъ, каковыхъ, надо думать, имѣется громадный запасъ въ подлежащемъ вѣдомствѣ, гдѣ стоило бы заняться съ особеннымъ вниманіемъ—для сгруппировки всего этого историческаго матеріала въ стройный систематическій порядокъ, хотя-бы для того, чтобы возстановить въ памяти всю исторію этого знаменательнаго событія.

Но не лишнимъ было бы, кромѣ того, всѣмъ тѣмъ, которые принимали дѣятельное участіе въ работахъ на мѣстахъ по данной реформѣ, хотя-бы и въ позднѣйшее время, попытаться—порыться въ своей памяти, чтобы возстановить все то, что ими пережито, прочувствовано, и въ формѣ воспоминаній своихъ—подѣлиться съ читающей публикой всѣмъ тѣмъ, что прямо или косвенно имѣетъ отношеніе къ этому событію.

Несомнѣнно, что близкое, личное участіе въ работахъ на мѣстахъ запечатлѣлось въ памяти тѣхъ, къ сожалѣнію уже не многихъ живыхъ, которые пожелали бы не поскупиться своими воспоминаніями—

ми обо всемъ томъ, что имѣло, впоследствии, вліяніе на всю ихъ послѣдующую жизнь; такъ какъ по личному опыту я знаю, что новая жизнь нашего отечества, вызванная всѣми реформами шестидесятихъ годовъ, оставила глубокія впечатлѣнія и повліяла даже на измѣненіе личнаго взгляда моего на людей, задачу самой жизни, каковая систематически складывалась въ юной головѣ „барчука“, подъ вліяніемъ современнаго воспитанія съ помощію наѣмныхъ гувернеровъ и дворовыхъ (изъ бывшихъ крѣпостныхъ людей), у которыхъ слово „мужикъ“ считалось браннымъ словомъ, и невольно внушало, какъ помнится мнѣ, какое-то брезгливое чувство къ „лаптямъ“ и „сермягамъ“, и это, несмотря на то, что покойный отецъ мой, владѣвшій не одною тысячею душъ крѣпостныхъ крестьянъ, являлся по тогдашнимъ временамъ и понятіямъ—филантропомъ по отношенію своихъ крѣпостныхъ, большая часть коихъ находилась въ Рязанской губерніи. Для нихъ онъ заводилъ школы, лечебницы, нанималъ врачебный персоналъ на собственные средства и всячески приходилъ имъ на помощь; но къ сожалѣнію моему—принималъ мало личнаго участія въ моемъ воспитаніи, которое и было поручено сначала гувернанткамъ, потомъ гувернерамъ и наконецъ учебному заведенію, гдѣ ко времени введенія реформы крестьянской я, состоя пансіонеромъ, уже оканчивалъ курсъ, намѣреваясь поступить въ Московскій университетъ.

Какъ теперь, помню мой пріѣздъ въ одно изъ нашихъ имѣній, находящееся во Владимірской губерніи, гдѣ вся семья проводила лѣто, и куда я всегда съ особымъ наслажденіемъ ѣхалъ весной, послѣ занятій, подготовившись предварительно, чуть-ли не съ зимы, къ предстоящимъ экскурсіямъ по лѣсамъ и болотамъ съ ружьемъ и собакою, что называлось мною охотою, хотя въ сущности всѣ эти экскурсіи имѣли главною цѣлью—природу и возможность удаленія отъ заведеннаго порядка въ семьѣ, гдѣ каждый часъ дня имѣлъ свое назначеніе, то завтракъ, то обѣдъ, то визиты или прогулки и т. д.

Это было въ 1862 году, когда я уже началъ посѣщать лекціи въ Московскомъ университетѣ, а слѣдовательно чувствовалъ себя полноправнымъ гражданиномъ, курящимъ папирсы и освобожденнымъ отъ всякой опеки гувернеровъ или какихъ-либо менторовъ.

Ко времени нашего прибытія въ имѣніе прибылъ мировой посредникъ г. Есиповъ для повѣрки и введенія уставной грамоты.

Сойдись съ мировымъ посредникомъ, котораго помѣстили въ одномъ со мною флигелѣ, я добровольно поступилъ къ нему работникомъ вмѣсто внезапно заболѣвшаго его письмоводителя, и съ утра

до поздней ночи, въ теченіе нѣсколькихъ дней его пребыванія въ имѣніи нашемъ проводилъ съ нимъ на сельскомъ сходѣ, гдѣ участвовало поголовно все крестьянское общество съ женами и дѣтьми. Тутъ только я замѣтилъ, что то брезгливое чувство, о которомъ выше упомянулъ, уступило мѣсто какому-то чувству участія къ „лаптямъ“ и „сермягѣ“, и я, неожиданно для себя самого, сдѣлался самымъ рьянымъ адвокатомъ въ пользу освобожденныхъ крестьянъ, отвоевалъ въ пользу ихъ озерко, которое съ трехъ сторонъ было окружено деревянными постройками, а съ четвертой—примыкало къ господскому саду, отъ котораго даже не было огорожено заборомъ. Какъ теперь помню лица тѣхъ крестьянъ, которые слышали мою горячую защиту ихъ правъ на озеро, и недовольныя возраженія матери моей, на чье имя имѣніе было когда-то куплено отцомъ,—которая, въ концѣ концовъ, любя меня—уступила свои права въ ихъ пользу.

Возвратясь къ осени въ Москву, гдѣ начались уже лекціи, я замѣтилъ, что всѣ товарищи моего дѣтства, поступившіе одновременно въ университетъ, находятся въ какомъ-то приподнятомъ состояніи духа. Всѣ они, проведя лѣтнее время въ имѣніяхъ у своихъ родныхъ, крайне заинтересовались жизнью деревни, на что равнѣ, какъ бы, не обращали никакого вниманія.

Общеніе же съ людьми (въ родѣ Каткова, Леонтьева, Аксакова, Кошелева, Тургенева, Майкова, Самарина и многихъ другихъ), съ которыми каждый изъ насъ, то есть молодыхъ людей моего кружка, имѣли родственныя отношенія—довершило остальное въ смыслѣ приданія всѣмъ намъ какого-то новаго взгляда на жизнь, ея цѣль и всѣ проводимыя въ то время правительственныя реформы, которыя составляли главную тему всѣхъ разговоровъ—будили въ насъ сознаніе, что дворянское сословіе должно идти на помощь тому Правительству, которое рѣшилось пробудить новую жизнь въ нашемъ отечествѣ. Съ увлеченіемъ зачитывались только не романами, или повѣстями, какъ прежде, а всѣми силами стремились стать въ уровень тѣхъ немногихъ современныхъ людей, которые, какъ намъ казалось, являлись свѣточами новыхъ порядковъ. Горячо обсуждали всякую реформу, и отнюдь не трактовали тѣхъ вопросовъ, которые въ ХХ столѣтіи стали излюбленными идеями—увлекающими современныхъ студентовъ, до научныхъ забастовокъ включительно.

Помню какъ теперь студенческія вечеринки у Каткова и Леонтьева, и у покойной графини Е. В. Салліасъ, на которыхъ относились къ намъ, какъ къ равноправнымъ членамъ общества. Все это въ

совокупности, разумѣется, поднимало насъ въ собственныхъ нашихъ глазахъ и оставило неизгладимыя слѣды и въ послѣдующей нашей жизни.

Появившіяся въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ статьи Каткова о польскомъ возстаніи, о необходимости всѣми силами отстоять Царство Польское, гдѣ вспыхнулъ мятежъ подъ вліяніемъ, какъ тогда утверждалось, Наполеона III, не могли конечно не повліять на меня и на многихъ моихъ сотоварищей; и вотъ, не окончивши университета, многіе изъ насъ, никогда не выѣзжавшіе изъ бѣлокаменной Москвы, устремились въ Западный край и Царство Польское.

Пріѣхавши въ Варшаву въ концѣ 1863 года, гдѣ я рассчитывалъ поступить въ Кіевскій гренадерскій полкъ, которымъ командовалъ, покойный нынѣ, дядя мой—Сергій Ивановичъ Дохтуровъ, я совершенно неожиданно для себя самого, въ началѣ 1864 года, то есть почти что къ „шапочному разбору“, очутился юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи уланскомъ Его Величества полку, иными словами, облекся въ военную реформу тогда, когда польскій мятежъ былъ уже на послѣднемъ своемъ издыханіи.

Военная служба пришлась мнѣ по вкусу, и я, внѣ всякаго сомнѣнія, не оставилъ бы ея до самой смерти моей, если бы въ семейныхъ имущественныхъ дѣлахъ не произошла перемѣна къ худшему, вслѣдствіе чего, покинувъ службу въ гвардіи, я перешелъ на гражданскую службу. Оканчивать университетъ было поздновато, да и смерть отца и выѣздъ остальныхъ членовъ семьи моей изъ Москвы—не располагали вовсе къ возвращенію на родину мою.—Къ несчастью моему, до 1880 года мнѣ не удавалось поступить въ то вѣдомство, которое меня болѣе всего манило, то есть учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ, но въ 1880 году удалось мнѣ, наконецъ, сдѣлаться, сначала мировымъ посредникомъ, а затѣмъ и комиссаромъ по крестьянскимъ дѣламъ въ Царствѣ Польскомъ.

Сравнительно непродолжительная моя служба мировымъ посредникомъ и болѣе продолжительная—комиссаромъ, не могла имѣть того интереса, какой былъ для тѣхъ дѣятелей, которые принимали личное участіе въ первоначальныхъ работахъ по введенію реформы, какъ напр. Н. К. Полевого, Ѳ. Ѳ. Воропонова и многихъ другихъ, которые нынѣ могутъ подѣлиться путемъ печати своими воспоминаніями; но тѣмъ не менѣе и мои воспоминанія составятъ, быть можетъ, посильный вкладъ, хотя бы ради того, что служба моя въ

учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ отразилась на послѣдующую 20-ти-лѣтнюю мою службу, сначала предсѣдателемъ, а затѣмъ управляющимъ отдѣленіями крестьянскаго Поземельнаго Банка, то есть того учрежденія, которое по желанію Государя Императора Александра III-го могло бы служить „коррективомъ“ крестьянской реформы съ ея экономической стороны, такъ какъ для достиженія именно этой цѣли созданъ крестьянскій Поземельный Банкъ.

И мы всѣ, вошедшіе въ составъ этого новаго учрежденія, такъ именно и смотрѣли на наши обязанности, а отнюдь не рѣшились бы поступать на службу въ коммерческіе банки.

Да иначе и смотрѣть-то на это новое правительственное учрежденіе нельзя было, въ виду того, что въ началѣ еще 70-хъ годовъ всѣми органами и самимъ правительствомъ признавались неустроеніе, малоземелье и незаконченность крестьянской реформы, о чемъ также много говорилось въ печати.

Вотъ почему я позволяю себѣ надѣяться, что всѣ мои воспоминанія дѣятельности моей какъ мирового посредника, комиссара по крестьянскимъ дѣламъ, а затѣмъ, въ послѣднія 20 лѣтъ моей службы въ крестьянскомъ Поземельномъ Банкѣ въ качествѣ управляющаго отдѣленіями въ разныхъ полосахъ Россіи и Царства Польскаго,—не лишены будутъ интереса и несомнѣнно будутъ имѣть связь съ тою реформою, пятидесятилѣтній юбилей которой наступаетъ въ будущемъ году.

Перейдя съ должности мирового посредника, которые вскорѣ переименованы были въ непремѣнные члены уѣздныхъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ, на должность комиссара по крестьянскимъ дѣламъ—въ одинъ изъ уѣздовъ Варшавской губерніи, я убѣдился, что крестьяне въ Царствѣ Польскомъ несравненно были лучше устроены, чѣмъ тѣ, которые надѣлены были по силѣ указа 19 февраля 1861 года.

Весь край Привислянскаго раіона по сравненію съ коренными губерніями Россіи на первыхъ же порахъ являлся болѣе благоустроеннымъ, пути сообщенія (желѣзнодорожныя и шоссейныя дороги), а равно и густая населенность, со множествомъ городовъ всякихъ наименованій, мѣстечекъ и посадовъ, давали возможность сельскому люду выгоднаго сбыта всякихъ деревенскихъ продуктовъ, не исключая одного фунта масла и десятка яицъ; нахожденіе въ каждой гминѣ (всесословной волости) ссудосберегательныхъ кассъ до нѣкоторой степени ставило крестьянъ въ сравнительно малую зависимость отъ еврейскаго населенія: а путемъ замѣны сервитутныхъ правъ по добровольному соглашенію съ владѣльцемъ имѣнія,

давалась возможность увеличенія крестьянской земельной собственности, нерѣдко удвоивая количество надѣльной земли; кромѣ всего этого, почти всѣ помѣщики и болѣе крупныя землевладѣльцы сидѣли въ своихъ помѣстьяхъ и на своей землѣ, ведя интенсивное хозяйство, что давало большіе заработки малоземельнымъ. Нечего и говорить, что колонисты и хуторяне (господаржи), владѣющіе 10—15 десятинами, представляли классъ вполне зажиточный и обеспеченный.

Объѣзжая, какъ мнѣ помнится, въ 1885 и 1886 годахъ гминныя правленія (волости) для ревизіи гминныхъ сберегательныхъ кассъ, для каковой цѣли вызывались обыкновенно всѣ вкладчики, заемщики и уполномоченные отъ гмины, и разговаривая со всѣми присутствовавшими о ихъ благосостояніи, я, какъ бы мимоходомъ, напомнилъ, что въ скоромъ времени наступаетъ 25-ти-лѣтняя годовщина указа 19 февраля 1864 года, благодаря которому ихъ положеніе устроилось, и, по моему мнѣнію—надлежало бы почтить память Царя-Освободителя какимъ-либо способомъ, при чемъ намекнулъ, что „складка¹⁾“ въ одну—двѣ копейки съ надѣльнаго морга земли могла бы составить достаточный фондъ для сооруженія гдѣ-либо монумента въ память Царя-освободителя отъ „благодарныхъ крестьянъ Царства Польскаго“.

По возвращеніи моемъ изъ поѣздки въ г. Влоцлавскъ, гдѣ я проживалъ, ко мнѣ стали поступать донесенія гминныхъ правленій о томъ, что на гминномъ сходѣ собранные крестьяне постановили почтить память покойнаго Императора сооруженіемъ памятника, и что собранныя уже на этотъ предметъ деньги находятся въ гминномъ правленіи, и меня спрашиваютъ, куда ихъ надлежитъ направить?

Получивъ со всѣхъ 23 гминъ уѣзда подобныя же донесенія, я конфиденціально донесъ о томъ варшавскому губернатору (Н. Н. Медемъ), прося его указаній.

Болѣе двухъ, трехъ мѣсяцевъ, не получая никакого отвѣта на мой запросъ, я въ бытность мою въ Варшавѣ, у родственника моего полковника Николая Дмитриевича Солнцева (б. адъютанта у генерала Гурко), въ присутствіи полковника Малыхина (состоявшаго въ распоряженіи генерала Оржевскаго, а нынѣ генерала) высказался о крайней медленности въ отвѣтъ губернатора—барона Медема на мое представленіе, при чемъ не могъ не высказать того, что въ виду приближенія срока 25-ти лѣтъ, и благонамѣренія крестьянъ моего уѣзда—увѣковѣчить память покойнаго Царя-Осво-

¹⁾ Складчина.

бодителя,—слѣдовало бы распространить черезъ начальника края объ этомъ благомъ намѣреніи и въ прочихъ губерніяхъ Царства Польскаго.

Эти именно лица и доложили генераль-губернатору Іосифу Владиміровичу Гурко, по распоряженію котораго были извѣщены всѣ губернаторы.

Въ скоромъ времени со всего Царства набралась, исключительно отъ крестьянъ, значительная сумма, собранная вполне добровольно отъ „благодарныхъ крестьянъ“.

Тогда покойный І. В. Гурко вошелъ въ обсужденіе о мѣстѣ сооруженія самаго памятника и снесся съ художникомъ г. Опекушинымъ, который, какъ мнѣ говорили, свою работу предложилъ даромъ, и лишь пожелалъ получить стоимость одного матеріала. На сколько это вѣрно — не ручаюсь, но вполне положительно могу сказать, что памятникъ вышелъ грандіознымъ и вполне достойнымъ того, чья память имъ увѣковѣчивалась. И выборъ мѣста сооруженія его — городъ Ченстоховъ — былъ весьма удаченъ, такъ какъ къ мѣстной Святынѣ — Ченстоховской Богоматери (чтимой и православными) ежегодно собираются сотни тысячъ паломниковъ, и рѣдкій изъ мѣстныхъ и болѣе отдаленныхъ мѣстностей крестьянъ пропуститъ и одинъ годъ, чтобы не посѣтить города Ченстохова и его Святыни „Ясногурскаго монастыря“, гдѣ и хранится чудотворная икона Богоматери. Несомнѣнно, что всякій изъ жертвователей можетъ воочию убѣдиться въ томъ, что его добровольное приношеніе на увѣковѣченіе памяти Царя-Освободителя пошло именно на опредѣленную имъ цѣль.

Въ 1889 году, лѣтомъ, въ годъ 25-ти-лѣтія крестьянской реформы памятникъ былъ вполне готовъ, и лично мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ торжества открытія и освященія его, что осталось у меня въ памяти до мельчайшихъ подробностей.

Къ тому времени я уже состоялъ въ г. Петроковѣ на должности предсѣдателя крестьянскаго Поземельнаго Банка (въ районѣ моемъ были: Калишская, Кѣлецкая и Петроковская губерніи).

Живя въ двухчасовомъ разстояніи ѣзды по желѣзной дорогѣ, я имѣлъ возможность побывать неоднократно на мѣстѣ сооруженія самого памятника, а слѣдовательно присмотрѣться къ нему, но тѣмъ не менѣе то впечатлѣніе, которое я ощутилъ при его открытіи, въ законченномъ вполне видѣ, я глубоко сохранилъ и по настоящее время.

Судить по этому, полагаю, возможно о томъ, что испытывали

тѣ, которымъ пришлось въ день освященія и открытія памятника видѣть его впервые?

На возвышенности, по прямому направленію аллеи, которая начинается на городскомъ базарѣ и оканчивается у подножія „Ясной горы“, на которой и возвышается величественное зданіе монастыря ордена Паулиновъ, окруженное каменною, бѣлою стѣною, — устроена эспланада изъ тѣсаннаго, бѣлаго плитняка, на которую ведетъ широкая терраса въ нѣсколько десятковъ каменныхъ ступеней — бѣлаго же цвѣта съ поперечною, — въ длину всего спуска, бронзовою рѣшеткою, которая, ко времени всѣхъ священнодѣйствій по открытію и освященію памятника, была открыта, давая свободный доступъ на площадку, окруженную со всѣхъ сторонъ бронзовою же, изящною рѣшеткою съ канделябрами, два газовыхъ фонаря по всѣмъ четыремъ угламъ; на мраморномъ цоколѣ и высокой, изъ болѣе темнаго мрамора колоннѣ, возвышается величественная фигура „Царя-Освободителя“ въ порфирѣ, ниспадающей съзади ниже краевъ самой колонны. По правую сторону самой бронзовой фигуры Вѣнценосца, на подушкѣ лежатъ корона, скипетръ и держава, изъ подъ которыхъ развѣвается бронзовый свитокъ Указа 19-го февраля 1864 года, на который и указываетъ правая рука фигуры. Вокругъ всей колонны и цоколя размѣщены гербы всѣхъ уѣздовъ губерній Царства Польскаго, вылитые изъ одинаковой съ фигурою бронзы, и на самой колоннѣ красуется надпись: „Царю-Освободителю отъ благодарныхъ крестьянъ Царства Польскаго“.

Вся фигура, весьма большого размѣра, рѣзко вырисовывается на бѣломъ фонѣ монастырской ограды, и съ начала послѣдней аллеи, начинающейся въ уровень съ вокзаломъ желѣзной дороги, ясно представляется взорамъ приближающихся къ монастырю лицъ.

Болѣе удачнаго мѣста, какъ уже сказалъ это выше, для сооруженія этого монумента нельзя было избрать и придумать.

Чинъ освященія совершался католическимъ духовенствомъ съ епископомъ Бериневичемъ во главѣ, по окончаніи чего, православное духовенство съ епископомъ Флавіаномъ (нынѣ кievскимъ митрополитомъ) вышло крестнымъ ходомъ изъ мѣстнаго православнаго собора—для служенія у подножія монумента литіи и провозглашенія „Вѣчной памяти“ Царю-Освободителю.

По совѣсти могу сказать, что въ жизни своей я не могу припомнить болѣе торжественныхъ моментовъ, наполнявшихъ всѣхъ присутствовавшихъ чувствомъ торжества и умиленія—неизгладимо врѣзавшихся въ память всѣхъ многочисленныхъ, пріѣхавшихъ на эти торжества лицъ. А ихъ было много: по распоряженію гене-

рала-губернатора І. В. Гурко съѣхались всѣ губернаторы, комиссары по крестьянскимъ дѣламъ съ депутаціями отъ крестьянъ со всѣхъ уѣздовъ Царства Польскаго, кромѣ свиты генераль-губернатора и варшавскаго православнаго духовенства была цѣлая масса постороннихъ, прїѣзжихъ лицъ.

Самъ по себѣ городъ Ченстоховъ, довольно многолюдный, но не всегда, какъ мнѣ казалось, опрятный, принялъ праздничный видъ и украсился къ этому торжественному дню флагами и лампіонами для предстоящей вечеромъ иллюминаціи. Тогдашній варшавскій оберъ-полицеймейстеръ, флигель-адъютантъ Клейгельсъ не мало приложилъ труда къ устройству того порядка, который водворенъ былъ къ этому времени.

По окончаніи всѣхъ священнодѣйствій, въ монастырской рефекторіи (трапезѣ) заботами покойнаго І. В. Гурко былъ устроенъ завтракъ, на которомъ радушный хозяинъ сумѣлъ совмѣстить бывшее несовмѣстимымъ, т. е. католическое и православное духовенство, которое въ самой радушной бесѣдѣ провело незабвенный день, сидя за трапезою въ перемѣшку, до момента разъѣзда всѣхъ прибывшихъ экстренными и обыкновенными поѣздами, отходившими отъ станціи, какъ помнится, каждые полчаса.

Такимъ именно образомъ памятное двадцатипятилѣтіе реформы крестьянской въ Царствѣ Польскомъ было ознаменовано, и всякому прїѣзжающему въ городъ Ченстоховъ предоставляется во-очію убѣдиться „въ благодарности крестьянъ губерній Царства Польскаго“.

Пробывши около семи лѣтъ на должности комиссара по крестьянскимъ дѣламъ, я получилъ предложеніе — занять одну изъ должностей — председателя отдѣленія Крест. Поз. Банка, дѣйствія котораго предполагалось распространить и на Царство Польское.

Вскорѣ, затѣмъ, и состоялось мое назначеніе въ Петроковское отдѣленіе (на три губерніи), а до водворенія меня на мѣстѣ приглашенъ былъ прибыть въ Петербургъ, гдѣ пришлось свести знакомство съ лицами, стоящими во главѣ этого учрежденія: Е. Э. Картавцевымъ — управляющимъ, и чинами Совѣта Ѳ. Ѳ. Воропоновымъ, П. П. Храповицкимъ (вскорѣ умершимъ) и только что назначеннымъ членомъ А. Б. Врасскимъ.

Общеніе съ этими людьми убѣдило меня въ полномъ отсутствіи чиновничьяго отношенія къ дѣлу, вслѣдствіе чего совмѣстная съ ними служба казалась легкою, интересною и пріятною. Чувствовалась несомнѣнная польза одного лишь дѣла, составляющаго главную цѣль возникновенія и самаго учрежденія. Главную пружину

дѣятельности Крест. Поз. Банка безспорно составлялъ Ѳ. Ѳ. Вору-поновъ, безъ совѣта съ которымъ управляющій Е. Э. Картавецъ ничего не рѣшалъ.

Самъ управляющій, еще молодой вполне человекъ, укоренилъ въ насъ то убѣжденіе, что председатели отдѣленій должны быть его— „глазами, ушами и правыми руками на мѣстахъ ихъ службы,“ и что все, что только окажется нужнымъ, они непосредственно должны будутъ доводить до его свѣдѣнія, онъ же не замедлитъ отвѣтомъ, а гдѣ это окажется нужнымъ, своимъ содѣйствіемъ. Просилъ всѣхъ насъ, вновь назначенныхъ въ Банкъ, избѣгать излишней регламентаціи—и о большемъ вниманіи къ самому дѣлу.

При подобныхъ условіяхъ каждому изъ насъ было пріятно начинать службу въ новомъ вѣдомствѣ, которое въ сущности должно быть продолженіемъ нашей предшествующей дѣятельности—устройства крестьянъ и сельскихъ жителей.

Потрудившись на разработкѣ правилъ дѣйствій Крест. Поз. Банка въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ первоначальный уставъ Крест. Поз. Банка не укладывался въ существующія законныя формы края, мы всѣ вновь назначенные разѣхались по мѣстамъ нашей новой служебной дѣятельности, торопясь устройствомъ отдѣленій и подготавливаясь къ открытію дѣйствій, что нѣсколько замедлилось вслѣдствіе неутвержденія въ законодательномъ порядкѣ „Правилъ дѣйствій въ губ. Царства Польскаго“.

Служба моя въ Царствѣ Польскомъ на должности комиссара по крестьянскимъ дѣламъ дала мнѣ обширное знакомство съ мѣстными людьми, обычаями, нравами и языкомъ; а благодаря тому, что со всѣми почти комиссарами по крест. дѣламъ я былъ знакомъ, а со многими даже друженъ, я, не ожидая утвержденія въ законодательномъ порядкѣ правилъ дѣйствій Банка въ Царствѣ Польскомъ, вполне уяснилъ себѣ то, что на первыхъ же порахъ потребуетъ особаго вниманія и помощи Крест. Поз. Банка.

Несмотря на сравнительно лучшее устройство крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ по указу 1864 года, по сравненіи съ устройствомъ крестьянъ коренныхъ русскихъ губерній, о чемъ я уже сказалъ выше, тѣмъ не менѣе нужда въ землѣ ощущалась и здѣсь, вслѣдствіе естественнаго прироста народонаселенія.

Въ виду земельной нужды и спроса на нее народилась спекуляція (speculacia), которою главнымъ образомъ занялись мѣстные жители, по преимуществу нѣмцы и евреи.

Купивъ сравнительно дешево имѣніе, эти господа распродала

земельные участки нуждающимся крестьянамъ, которые и селились колоніями, возводя постройки. Этого рода сдѣлки, представляя всѣ выгоды продавцамъ, являлись рискованными для покупателейъ.

Я не желаю утверждать, что подъ подобными сдѣлками скрывались недобросовѣстные соглашенія, но бывали случаи, когда покупщики, внесшіе значительныя части разсроченныхъ по продажѣ платежей, рисковали лишиться всего своего имущества, если продавецъ умиралъ, а наследники его не принимали на себя сдѣлокъ, совершенныхъ ихъ предшественникомъ.

Въ Царствѣ Польскомъ, какъ извѣстно, существуетъ ипотечное право. Самая сдѣлка облекалась въ форму „объщанія продажи“ (przyżeczenie sprzedaży). Покупщикъ вносилъ часть разсроченной, нерѣдко на 12 лѣтъ, продажно-покупной цѣны, допускался къ пользованію приторгованнымъ участкомъ, на которомъ онъ и возводилъ всякія постройки. Право собственности оставалось за продавцомъ, а на рукахъ покупателя имѣлась лишь копія „объщанія продажи“. За смертью одной изъ договорившихся сторонъ сдѣлка, если не принималась правопреемниками, считалась несостоявшейся. Такихъ случаевъ было весьма не мало, и я съ помощью г.г. комиссаровъ, съ которыми не прерывалъ сношеній, уяснилъ этотъ вопросъ. Въ этомъ отношеніи большую помощь оказалъ мнѣ б. комиссаръ Гаральдъ Ивановичъ Гаффербергъ (нынѣ плочкій губернаторъ).

По прежнему уставу Крест. Поз. Банка ссуды были крайне ограничены (500 руб. на домохозяина и 125 р. на душу м. п.). Понятно, что столь ограниченный размѣръ ссудъ, при дороговизнѣ на земли въ губерніяхъ Царства Польскаго, не сулилъ въ ближайшемъ будущемъ особаго развитія операцій Банка; но сдѣлки, по которымъ уже значительная часть продажно-покупной цѣны была уплачена, являлись вполне подходящими и желательными при подобныхъ условіяхъ. И вотъ, ихъ-то, такъ сказать, въ первую голову — мнѣ и удалось при помощи моихъ бывшихъ товарищей-комиссаровъ осуществить, и быть можетъ, спасти отъ разоренія, тѣмъ болѣе, что къ этому именно времени введены были во всей Германіи боевыя пошлины на ввозимый туда хлѣбъ, что значительно неблагоприятно отозвалось на хозяйствахъ, не обремененныхъ даже такими долговыми обязательствами — какъ эти несчастные колонисты.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ моей дѣятельности въ Петроковскомъ отдѣленіи Крест. Поз. Банка весь личный составъ отдѣленія состоялъ изъ предсѣдателя, члена-оцѣнщика и бухгалтера. Членъ-оцѣнщикъ (кандидатъ Спб. университета Михаилъ Ивановичъ

Виноградовъ) былъ совершенно больной, не могъ ѣздить на оцѣнки и ровно ничего не понималъ по-польски; а потому по взаимному моему съ нимъ соглашенію, онъ оставался въ отдѣленіи за канцелярскою работою, я же все время ѣздилъ на осмотры и оцѣнки.

Обѣзжая всѣ три губерніи моего района, я невольно изучалъ системы хозяйства, выгодность или невыгодность той или другой системы, и вообще, могу сказать вполне откровенно, что научился до мельчайшей подробности всему тому, что нелишнимъ было бы позаимствовать намъ у массы культурныхъ сельскихъ хозяевъ въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ какой-либо владѣлецъ 10—15 уволокъ, то есть 200—250 десятинъ земли, живетъ куда лучше нашихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, пользуется комфортомъ, воспитываетъ своихъ дѣтей и проявляетъ широкое гостепримство всякому заѣхавшему въ его фольваркъ (хуторъ) лицу.

Со многими я познакомился весьма коротко и благодаря имъ проникся сознаниемъ, что первая обязанность всякаго земельного собственника, „гражданина своего отечества“, состоитъ въ томъ, чтобы сидѣть на своей землѣ, работать и подавать примѣръ меньшей братіи, словомъ, проявлять культурное воздѣйствіе на сельскихъ жителей—своихъ сосѣдей, а не околачиваться по канцеляріямъ разныхъ наименованій.

Въ 1892 году умеръ мой единокровный братъ — старый полковникъ кавалергардскаго полка времени Николая I-го, и мнѣ досталось по наслѣдству родовое имѣніе въ Московской губерніи, въ Клинскомъ уѣздѣ, всего свыше 2.000 десятинъ.

Проникшись обязанностью личнаго хозяйства въ имѣніи моемъ, я подалъ въ отставку и уѣхалъ изъ Царства Польскаго.

Прибывъ въ доставшееся мнѣ по наслѣдству имѣніе, котораго я никогда и въ глаза не видалъ, я началъ съ того, что изучилъ его подробно во всѣхъ отношеніяхъ, прежде чѣмъ приступать къ какимъ-либо новшествамъ.

Убѣдившись въ доброкачественности земли, на которой велось трехпольное хозяйство, я пришелъ къ заключенію, что хозяйничать можно при условіи нѣкоторыхъ затратъ на улучшеніе скота, самую обработку земли, отысканія средствъ къ обезпеченію себя рабочими руками на время уборокъ и т. п.

Покойный братъ мой, какъ это оказалось впоследствии, былъ совершенно правъ, увѣряя меня, что съ нашими рабочими, въ той

полосѣ Россіи, въ которой находилось имѣніе, нынѣ мнѣ отъ него доставшееся, нельзя вводить всего того, что съ успѣхомъ и выгодами вводится въ малороссійскихъ губерніяхъ и въ Царствѣ Польскомъ.

Я сначала этому не повѣрилъ, предполагая, что все то, что онъ говорилъ мнѣ, основывается на нѣкоторой скупости его и нежеланіи ломать дворянской своей головы надъ тѣми вопросами, которые надлежало бы разрѣшить прежде, чѣмъ вводить что-либо новое.

Но вскорѣ убѣдился самъ, что онъ былъ правъ: районъ нахожденія имѣнія (подмосковнаго) есть районъ фабричный. Почти все мѣстные и окрестныхъ сель жители находятся въ городахъ и на фабрикахъ, а если и возвращаются въ страдную, рабочую пору домой, — то единственно, чтобы помочь своимъ старикамъ въ хозяйствѣ, а о заработкахъ въ экономіяхъ и говорить не стануть; держать же годовыхъ, или хотя-бы сроковыхъ рабочихъ положительно являлось невозможнымъ, въ виду краткости времени рабочей полевой работы и высокихъ платъ, со всѣми претензіями и недовольствами господскими харчами, каковыхъ не оберешься.

Въ 1893 и 94 годахъ, въ годъ неурожая въ большинствѣ русскихъ губерній, я попробовалъ выписать одиннадцать человекъ туляковъ въ качествѣ годовыхъ рабочихъ, по цѣнѣ, которая мнѣ сначала показалась умѣренной (по 60 руб. въ годъ на хозяйскихъ харчахъ).

Работники были хорошіе, и я, проживая зиму и лѣто въ имѣніи, всячески старался имъ угодить. Но въ концѣ концовъ убѣдился, что результатъ былъ неудовлетворителенъ.

Изыскивая другіе способы, я подмѣтилъ, что мѣстные крестьяне крайне нуждаются въ кормовыхъ средствахъ; у меня же, среди лѣсного участка имѣлось свыше 300 десятинъ сѣнокосныхъ полей, въ которыхъ и я самъ ощущалъ потребность для рогатаго скота въ 70 штукъ, — а слѣдовательно оставалось придумать способъ освобожденія этихъ полей отъ личной моей въ нихъ необходимости и взамѣнъ этого кормового источника изыскать другой.

Убѣдившись въ почвенной пригодности пахотныхъ полей для заведенія травосѣянія, я замѣнилъ трехполье—четырепольемъ, съ посѣвомъ клевера въ озимомъ полѣ. Все, кто смотрѣлъ на мою молчаливую работу, удивлялись барскимъ прихотямъ и мало хорошаго пророчили въ будущемъ. Но каково было удивленіе на третій

годъ, когда съ 36 десятинь клевернаго посѣва я убралъ свыше 20 тысячъ пудовъ хорошаго клевернаго сѣна и тѣмъ обезпечилъ себя кормами на всю зиму, а съ весны слѣдующаго года объявилъ крестьянамъ о сдачѣ мною за отработокъ въ экономіи всѣхъ сѣнокосныхъ пустошей.

Мѣстные крестьяне возымѣли ко мнѣ довѣріе, охотно разобрали всѣ пустоши, обезпечили себя кормомъ на зиму; я же всю уборку свою съ ихъ помощью своевременно и успѣшно закончилъ. Этотъ годъ моего хозяйства нравственно меня удовлетворилъ. Но устройство лѣса, теплаго скотнаго сарая, заведеніе образцовой фермы съ молочнымъ хозяйствомъ — все это поглотило всѣ мои денежныя средства, и я очутился при благоустроенномъ имѣніи, но безъ запаснаго капитала для оборота.

Въ довершеніе всего, мужичекъ нашъ, который прекрасно соображаетъ свои выгоды и охотно перенимаетъ въ экономіяхъ все то, что считаетъ полезнымъ для себя—обратился ко мнѣ съ просьбою помочъ имъ въ заведеніи на ихъ надѣльной землѣ сѣвооборота съ травосѣяніемъ.

Самъ я съ землемѣромъ разбилъ ихъ поля на четыре поля, досталъ имъ клеверныхъ сѣмянъ, одолжилъ свою сѣянку и... свилъ, такъ сказать, плеть на свои собственные плечи. Черезъ два съ немногимъ года, ни одна пустошь моя не снималась, и я очутился безъ рабочихъ рукъ ко времени всякихъ уборокъ.

„Придетъ бѣда — отворяй ворота“, говоритъ мѣстная поговорка. На этомъ еще не кончились всѣ тяжкія испытанія.

Въ бытность мою въ гор. Бреславлѣ, гдѣ въ клиникѣ находилась моя больная дочь, въ селѣ случился пожаръ. Мой пожарный обозъ, выѣхавшій на помощь, обгорѣлъ такъ, что когда пламя перекинуло на мои постройки, то некому и нечѣмъ было спасать. Погорѣло болѣе шести моихъ построекъ, въ томъ числѣ двѣ теплицы, гдѣ находилось свыше 1.800 планокъ ананасныхъ, и если не погибли всѣ хозяйственныя постройки, то только благодаря тому, что часть ихъ была каменная, да и раскинуты были на большихъ другъ отъ друга дистанціяхъ.

Результатомъ моихъ стараній — осѣсть на собственной землѣ и насаждать культуру—было мое раззореніе, такъ какъ имѣніе, заложенное въ Банкѣ, не могло дать и тѣхъ доходовъ, которые могли бы покрывать платежи по ссудѣ.

Вотъ какъ оправдались пророческія слова покойнаго моего брата, котораго я считалъ отсталымъ и скупымъ человѣкомъ, не

желающимъ поломать своей дворянской головы, чтобы помочь меньшей братіи, не умаляя собственныхъ своихъ выгодъ.

Онъ имѣніе свое сохранялъ въ теченіе 50 лѣтъ, а же, послѣ девяти-лѣтняго владѣнія, долженъ былъ его продать, чтобы спасти хоть что-нибудь.

А. Н. Т.

